

Ташкент, - 1990. - 25 июля

Встреча с интересным человеком

Михаил ЖВАНЕЦКИЙ:

«В ТАШКЕНТЕ, КАК В ОДЕССЕ»

Искромётный, задиристый, почти забывая на сцене и в литературе, вне своего амплуа Михаил Жванецкий удивительно деликатный и печальный человек. Предпочитает слушать, а не говорить, отвечать на вопросы не поспешно, а подумав и взвесив каждое слово. Знакомые всей стране (и не только) интонации появляются у него разве что в момент рождения экспромтов.

Позади три гастрольных дня в Ташкенте. Впереди, через несколько часов — самолет. Жванецкий, уютно устроившись на диване, готов отвечать на вопросы.

— Как вам Ташкент?

— Ну что можно понять в таком городе за три дня! Тем более, успел я увидеть лишь то, что было за окнами нашего автобуса, побывать на рынке, повидать старых друзей и встретиться с активистами Ташкентского еврейского культурного центра. Тем не менее могу сказать: в Ташкенте, как в Одессе: во-первых, юг, во-вторых, много улыбающихся лиц, и все еще большое количество еды. Очень важно, когда есть что поесть, по нынешним временам это надо отмечать как достижение. В Одессе до сих пор

буйствует Привоз, и ташкентский базар не отстает.

Когда был в последний раз в Ташкенте лет десять назад, город был торжественный, помпезный. Сейчас люди стали посвободней, это чувствовалось и на концертах, по публике.

— А ваше самое первое знакомство с Ташкентом?

— В семь лет. Война, эвакуация. Мать работала зубным врачом в ремесленном училище, отец — в госпитале. До сих пор помню номер эвакуогоспиталя — 36—63. Там я кормился вместе с ранеными. Помню этих раненых — они броди-

ли по Ташкенту безногие, безрукие, в белье, халатах больничных. Помню ТЮЗ, куда нас водили из школы. И еще пионерский лагерь.

— Недавно вы избраны президентом Всемирного клуба одесситов...

— Да, это имело место быть. Создан такой клуб, по этому поводу были торжества в Одессе, была большая пресса. Девиз клуба: «Одесситы всех стран, соединяйтесь!». Мы готовы принимать в клуб одесситов не только по рождению, но и по духу. К слову, первый филиал клуба создан в Ташкенте. После одного из концертов

ко мне подошел ташкентский одессит Петя Галин, мы перекинулись несколькими словами, а дальше — как цепная реакция. Так что если кто из одесситов прочтет эти строчки — милости просим! Думаю, следующий наш филиал появится в Москве, на очереди — Лос-Анджелес, есть заявки и из других городов СССР, США, Германии, Австрии, Израиля...

— В нашей стране вашим выступлениям везде сопутствует аншлаг. А за рубежом?

— Как где. Скажем, в Тель-Авиве, где много выходцев из СССР, зал был переполнен. А в Вене бывшие соотечественники говорили так: «А, Жванецкий! Знаем — поет под гитару. Это на любителя». Выступал и в США. Количество публики здесь и там на концертах соотносится как рубль и доллар на черном рынке.

— Многие деятели литературы и искусства сейчас ударились в политику. А вас это не привлекает?

— Вот избрали меня президентом Всемирного клуба одесситов, думаю, этим мои политические амбиции

исчерпались. Внимательно слежу за работой нашего родного парламента. По количеству смеха у населения после своих выступлений некоторые парламентарии уже давно обставили и меня, и всех остальных юмористов. Впрочем, недавно одна киевская газета, не известив меня, напечатала программу Жванецкого, который якобы выставил свою кандидатуру на пост мэра этого славного города. Программу, разумеется, пародийную, составленную из фрагментов моих выступлений. Совершенно неожиданно для себя стал получать из Киева письма от людей, которые восприняли этот газетный розыгрыш на полном серьезе: мол, тебя еще только у нас не хватало. И вообще, если собираешься стать мэром, не худо было бы встретиться с киевлянами!

— У нас вы выступали вместе с Карцевым и Ильченко. Как давно родилось ваше творческое содружество?

— Еще когда мы были студентами Одесского института инженеров морского флота. Начинали в инсти-

тутской самодеятельности. Время было очень знаменательное — оттепель. Казалось, все самое худшее позади. Как, впрочем, и теперь кажется.

— Что дала вам перестройка?

— Прежде всего — свободу слова. Это вначале нам казалось, что просто гласность, — нет, это уже свобода слова. Когда-то думал: вот, если прочту изданных у нас Солженицына, Оруэлла, Замятина, то все — дальше будет только прекрасное. Прочел. Ну и что? Свобода слова на пустой желудок все-таки не впечатляет. И очень печалит массовый отъезд из страны прекрасных умов, умелых рук. Ряды редут просто на глазах. Это больно, но и понятно: людям надоело ждать.

Если судить по моей родной Одессе, то перестройка всколыхнула творческие силы. Появились какие-то театральные студии, поэтические кафе — как в двадцатые годы. Председателем одного из райсоветов города избран Гурвиц — мало того, что беспартийный и еврей, так еще и кооператор. Когда такое было возможным? Трудное и интересное время, и дай нам Бог выйти из него обновленными.

— Михаил Михайлович, ваше авторитетное мнение: что такое чувство юмора?

— Свойство умного человека. И больше ничего.

Интервью взял
Г. ПЛЕТНИНСКИЙ.

Фото А. КАРАБАЕВА.